

Лу Чэнь прожил в маленьком городке еще полмесяца.

В течение этих двух недель его тело постоянно менялось. Это были не резкие, бурные изменения, а медленные — как лягушка, которую варят на медленном огне. Сегодня чуточку прибавилось силы, завтра стал чуть острее слух, послезавтра раны зажили еще чуточку быстрее. Он прятал эти перемены в глубине души, делая вид, будто ничего не происходит.

Как обычно, он вставал до рассвета, взваливал на плечо кирку и спускался в шахту, обливаясь потом в темных штреках. Когда товарищи по работе собирались вместе, чтобы перекусить, он брал свою миску и садился на корточках в углу, слушая их болтовню о деревенских сплетнях. Вечером он ложился на дощатую кровать в бараке, прислушивался к непрекращающемуся храпу со всех сторон и смотрел с открытыми глазами на потолочные балки.

Он стал терпеливее, чем раньше.

Раньше, отработав целый день, он возвращался в барак и пластом падал на кровать, не в силах даже пошевелиться. Теперь же, выполняя ту же самую работу, он даже почти не запыхался. Раньше, питаясь жидкой кашей с солеными овощами, он вечно чувствовал себя голодным. Теперь, съедая то же самое, его тело словно выжимало еще больше сил из каждого рисового зернышка.

Но он не считал это хорошим знаком.

Потому что жажда свежей крови тоже росла день ото дня. Днем все было еще сносно: солнце, человеческие голоса — он мог притворяться обычным человеком. Но с наступлением ночи, когда в бараке воцарялась тишина и лунный свет пробивался сквозь щели в окнах, эта жажда накатывала приливом, затапливая его разум.

Ему стали сниться кошмары.

Во сне он стоял в багровом тумане; туман был сладковатым, с привкусом ржавчины. Кто-то преследовал его по пятам, он бежал изо всех сил, но ноги словно увязали в грязи. Оглядываясь назад, он не видел ничего, кроме красноты.

Он неизменно просыпался среди ночи в холодном поту, с сердцем, которое колотилось так бешено, будто норовило выпрыгнуть из груди.

Однажды, очнувшись от кошмара, он обнаружил, что его рука почему-то лежит на руке спавшего рядом рабочего. Он резко отдернул руку, отвернулся, а сердце грохотало в груди, как барабан. Он прикусил губу; кожа лопнула, и во рту расплылся привкус крови.

Сладковатый.

Он очень-очень легко сглотнул слюну и судорожно сжался пальцами за край одеяла.

Тот рабочий воротился на другой бок, что-то пробормотал спросонок и снова заснул.

Лу Чэнь не смыкал глаз до самого утра.

На следующий день на смене старик Ли спросил, отчего у него такой бледный вид, на что Лу Чэнь ответил, что плохо спал. Старик Ли не стал допытываться дальше и лишь похлопал его по плечу перед спуском в шахту:

— Будь осторожен.

Лу Чэнь кивнул.

Он спустился в самые глубины шахты и долго сидел там в одиночестве. Тупик штольни упирался в каменную стену, дальше копать не стали. Усевшись перед этой стеной, он принимался раз за разом ударять киркой по камню, высекая снопы искр. В голове царил полный кавардак: он думал обо всем и ни о чем конкретном одновременно.

— Ты боишься, — сказал он самому себе.

— Да, — ответил он себе.

— Чего именно?

— Что превращусь в монстра.

— Разве ты уже не он?

— Еще нет. Но скоро.

Он провел острием кирки глубокую борозду по каменной стене — такую глубокую, словно хотел оставить на ней хоть какой-то след о себе.

Ему не хотелось становиться монстром. Ему хотелось быть человеком. Обычным человеком, который каждый день спускается в шахту на работу, каждый день ест жидкую кашу с солеными овощами и каждую ночь слушает храп соседей по дощатой койке. Жизнь эта была тяжелой, но по крайней мере он знал, кто он такой.

Теперь же он понятия не имел, кем стал.

С того самого дня Лу Чэнь начал прислушиваться к новостям в городке.

Деревушка была маленькой, слухи распространялись быстро. У кого-то пропала корова, у кого-

то родилась жена, какой-то торговый караван прибыл издалека — все эти события то и дело перемывали в чайных и винных лавках. Лу Чэнь редко заходил в такие места, но старик Ли порой заглядывал туда и по возвращении делился услышанным.

— Говорят, в северном лесу нынче беспокойно, — как-то раз во время еды обмолвился старик Ли. — Оттуда пришли Охотники на демонов, рассказывают, в чаще бродит что-то фиолетовое.

— Что-то фиолетовое? — переспросил сидевший рядом молодой шахтер.

— Понятия не имею, что именно, — пережевывая соленья, отозвался старик Ли. — Охотники толком ничего не объяснили. Велели лишь всем селениям и деревням держать ухо востро.

Лу Чэнь сидел, опустив голову и похлебывая кашу, не ввязываясь в разговор.

Фиолетовое. Он вспомнил ту дикую тварь, которую убил в лесу: фиолетовая чешуя, фиолетовая кровь. Тот обжигающий запах, напоминавший смесь древесного угля с медом.

— Ешь давай, не прихлебывай пустую жижу. — Старик Ли подцепил палочками кусочек соленья и бросил ему в миску.

Лу Чэнь засунул соленье в рот и долго его жевал.

Еще через несколько дней в городок пожаловали Охотники на демонов.

На сей раз это была другая ватага, не та, что прежде. Возглавлял их высокий мужчина в потрепанных кожаных доспехах, со шрамом, тянувшимся от внешнего уголка глаза до самого подбородка. Он не был столь высокомерен, как тот аристократ из Клана Крови, но взгляд его казался куда холоднее — той застывшей холодностью, что остается у человека, повидавшего слишком много мертвецов.

Он стоял на площади, не доставая серебряных игл, зато вел на поводке собаку.

Пес был невелик, с черной шерстью и висячими ушами, на вид донельзя ленивый. Но стоило ему оказаться в самом центре площади, как он вдруг насторожил уши, повел носом по ветру в сторону толпы и издал глухое рычание.

Командир нахмурился и повел пса вдоль рядов собравшихся. Животное останавливалось у каждого жителя, принюхивалось и шло дальше, больше не подавая голоса.

Добравшись до Лу Чэня, пес замер.

Он задрал морду, и его влажный нос почти коснулся руки Лу Чэня. Глаза у пса были карие, небольшие, но взгляд — пронзительный. Секунды три пес в упор разглядывал Лу Чэня, после чего задрал голову и залился пронзительным лаем.

Все взгляды тотчас устремились на Лу Чэня.

Лу Чэнь стоял в толпе не шевелясь. Его руки были спрятаны в рукава, а ладони взмокли от пота. Он чувствовал, как таинственный предмет в его ладони слегка нагрелся, словно пробужденный собачьим лаем.

Командир подошел ближе и смерил его долгим взглядом с ног до головы.

— Протяни руки.

Лу Чэнь вытянул правую руку. Рука была грязной, ногти забились несмываемой угольной пылью, а на тыльной стороне красовалась свежая, покрытая корочкой царапина — вчера зацепился за камень во время работы.

Командир бегло глянул на его руку, а затем перевел взгляд на пса. Собака продолжала лаять, еще неистовее прежнего.

— Другую руку.

Лу Чэнь протянул и левую. Точно такую же грязную, испещренную мозолями и шрамами.

Командир помолчал пару секунд, затем присел на корточки и потрепал пса по голове. Пес немного успокоился, однако нос его по-прежнему тянулся в сторону Лу Чэня.

— Ты с шахты? — поднявшись, спросил командир.

— Да, — ответил Лу Чэнь.

— Давно горбатишься?

— С двенадцати лет.

Командир больше ничего не спросил. Взяв пса на поводок, он направился к следующему горожанину. Пса увели, но, сделав еще несколько шагов, он обернулся и бросил на Лу Чэня прощальный взгляд.

У Лу Чэня чуть не подкосились ноги. Прикрывшись толпой, он медленно отступил назад. Его руки дрожали — вовсе не от страха перед той собакой, а оттого, что пес учуял в нем то, чего быть там не должно.

Он-то думал, что спрятался надежно, но изъян учуяла даже псина.

В ту ночь Лу Чэнь не вернулся в барак.

Сидя в одиночестве под старой софорой на окраине городка, он смотрел в небеса. Ночь выдалась темной, безлунной, усыпанной лишь звездами. Звезды сияли ярко, густо усеяв небосвод, словно кто-то рассыпал наверху пригоршню серебряной крошки.

С севера тянул ветер, принося с собой дыхание леса. Смола, мох, сырая земля и едва заметная кислинка, которую он никак не мог распознать. Он безошибочно узнал этот запах: так пахло вовсе не в обычном лесу — это был дух дикой твари. Он уже вдыхал его там, на севере.

Старик Ли пришел за ним.

Опираясь на деревянную палку, старик ковылял со стороны поселка. Лунный свет падал на его седые волосы ослепительно-белым бликом. Шел он медленно, ноги болели, так что после каждых нескольких шагов приходилось останавливаться для передышки.

— Так и знал, что ты здесь. — Старик Ли опустился рядом с ним на землю, прислонив трость к стволу дерева.

Лу Чэнь молчал.

— Насчет той собаки... не бери в голову. — Старик Ли вытащил из-за пазухи кисет, набил трубку табаком и чиркнул огнивом. Табак занялся, издав тихое потрескивание. — У этих собак чутье тонкое, да толку чуть. Залаяла — еще не значит, что ты в чем-то виноват.

— Я виноват, — вымолвил Лу Чэнь.

Старик Ли затянулся дымом, не спеша с ответом. Огонек в чашечке трубки то вспыхивал, то гас, выхватив из темноты его лицо и глубоко обозначив морщины.

— Скажи мне правду, — голос старика звучал глухо. — Тебя и вправду укусили?

Лу Чэнь долго молчал. Ветер шелестел листвой старой софоры, и шорох этот казался голосом, отвечающим за него.

— Да, — признался он. — Только я не знаю, кто именно меня цапнул. Когда очнулся, тело уже изменилось.

Старик Ли вновь затянулся и медленно выдохнул дым. Тот растворился в лунном свете легкой дымкой.

— И что теперь думаешь делать?

— Не знаю.

— Тебе нельзя здесь оставаться. — Голос старика звучал на редкость спокойно, будто он толковал о самых будничных вещах. — Сегодня та собака учуяла, а завтра сюда могут заявиться те, кто умеет обращаться с серебряными иглами. Долго скрываться не выйдет.

Лу Чэнь сжал кулаки. Ногти впились в ладони, причиняя вполне реальную боль.

— Куда идти?

— На север. Шагнешь в Лес Вечной Ночи — и Охотники не осмелятся преследовать. Там владения Клана Волков, чужаки соваться не смеют.

— Клан Волков не любит людей.

— И всё же лучше, чем попасться Охотникам. — Старик Ли постучал трубкой о ствол дерева, стряхивая пепел на землю, где его тут же подхватил и развеял ветер. — Пасть от клыков Волков — быстрая смерть. Попасть в лапы Охотников — участь хуже смерти. Что выберешь?

Лу Чэнь выбрал смерть.

Он не желал участи хуже смерти, не хотел оказаться запертым в клетке, где его трое суток будут истязать серебряными иглами, пока он во всем не признается, после чего отсекут голову.

— Когда выступаешь?

— Завтра на рассвете.

Старик Ли кивнул, поднялся на ноги и, опираясь на палку, поплелся обратно. Сделав несколько шагов, он замер.

— Лу Чэнь.

— А?

— Добравшись туда, не верь никому. Но и не отказывайся верить. Решай сам за себя.

Лу Чэнь смотрел вслед старику Ли, провожая взглядом его ссутуленную фигуру, пока та не растворилась в направлении поселка. Лунный свет серебрил его горбящуюся спину, словно наледь.

В ту ночь Лу Чэнь не сомкнул глаз.

Вернувшись в барак, он собрал нехитрый скарб. Вещей оказалось немного: кирка, сменная рубаха из грубого полотна да ветхое одеяло. Кирку он оставил у изголовья кровати — она принадлежала шахте, уносить ее было нельзя. Полотняную рубаху и одеяло он запихнул в холщовый мешок, а затем снял с шеи оберег, подаренный стариком Ли, и крепко зажал в кулаке.

Медное кольцо согрелось от тепла его тела, ощутимо впиваясь в ладонь.

Затем он вернул амулет на место. Тот лег близко к телу, у самого сердца, позволяя чувствовать каждый удар.

Перед самым рассветом он направился к хижине старика Ли.

Дверь не была заперта на засов и отворилась от легкого толчка. Старик Ли лежал на дощатой койке, укрытый залатанным одеялом, с закрытыми глазами. Лу Чэнь не понял, спит тот или бодрствует. Он оставил холщовый мешок на столе, а из-за пазухи достал несколько сухарей — свои скудные припасы, которые копил несколько дней.

— Дядя Ли, — тихо позвал он.

Старик Ли не открыл глаз.

— Я ухожу.

Лу Чэнь опустился на колени и трижды поклонился в землю. Лоб глухо стукнул о пол — раз, второй, третий. Поднявшись, он повернулся и вышел из хижины.

Небо еще не посветело, укутанный в утренний туман поселок напоминал затонувший корабль. Он миновал улицу, по которой хоживал добрый десяток лет, прошел мимо старой софоры и площади, где все еще торчал металлический каркас. Серебряных игл там больше не было, но железо осталось, стоя молчаливым предостережением.

Выбравшись за околицу, он зашагал на север.

Поселок за спиной постепенно уменьшался, пока наконец не превратился в неясную тень среди утренней дымки. Он не оглядывался. Боялся, что стоять ему обернуться — и ноги откажутся идти дальше.

Он ступил под сень Леса Вечной Ночи.

Деревья стояли высокие-высокие, наглухо закрывая небо. Солнечные лучи пробивались сквозь листву пятнистыми бликами. Воздух стоял сырой, пахнувший прелой листвой и грибами. Подошвы его обуви шуршали по опавшему ковру.

Он не знал, как далеко сможет зайти и сколько ему отведено прожить.

Но твердо знал одно: с сегодняшнего дня он сам по себе.

Никакого барака, никакого старика Ли, никакой жидкой каши с соленьями. Только он один и неведомая скверна, затаившаяся в его теле.

Он шел целый день; когда накатывал голод, грыз сухарь, а утолял жажду из лесных ручьев. С наступлением темноты он нашел раскидистое дерево и свернулся калачиком у его корней. Землю покрывал толстый слой палой листвы, лежать на которой было мягко, будто на перине.

Прислушиваясь вполуха к дальнему волчьему войю и стрекотанию насекомых, он так и не сомкнул глаз до утра.

Лу Чэнь крепко сжимал в ладони подаренный стариком Ли оберег, и медное кольцо натирало кожу. Глядя на просветы звезд в листве над головой, он думал о том, что старик Ли наверняка уже поднялся. Интересно, пойдет ли он сегодня на шахту, удастся ли ему досыта поесть?

Под эти мысли он и заснул.

Впервые с момента побега из городка он забылся сна.

Во сне он вернулся на рудник: старик Ли по-прежнему долбил породу киркой, и гулкие удары разносились вокруг.

— Дядя Ли, — попытался окликнуть его он.

Но старик Ли, словно ничего не слыша, продолжал работать.

Лу Чэнь протянул руку, чтобы тронуть его за плечо, но пальцы прошли сквозь тело старика, как сквозь туманную дымку.

Он проснулся.

Небо еще не посветело, в чаще царил полумрак. На ветке над его головой примостилась белка, склонив набок голову и разглядывая пришельца. Она не знала, кто этот человек под деревом — добрый или злой, монстр или обычный смертный. Ей просто хотелось раздобыть съестного.

Достав из мешка кусок сухаря, Лу Чэнь отломил крохотный кусочек и положил на землю.

Белка шустро прыгнула вниз, схватила добычу и скрылась в ветвях.

Поднявшись и отряхнув с одежды сухие листья, Лу Чэнь возобновил путь на север.

Прошло семь дней.

За эту неделю он научился многому. Он научился вить веревки из древесной коры, точить ножи о камни и ловить рыбу голыми руками в ручьях. Кроликов он не трогал — опасался, что не совладает с проснувшейся звериной жаждой.

И тем не менее столкновение произошло.

В сумерках восьмого дня, когда он сидел на корточках у ручья и полоскал одежду, спину вдруг обдало ледяным холодом.

Он резко крутанулся на месте.

В пяти шагах от него, припав к зарослям кустарника, замерло невиданное им прежде создание. Размером с теленка, оно было сплошь покрыто темно-фиолетовой чешуей, края которой отливали неестественным металлическим блеском. Четыре мощные лапы цепко впились когтями в грунт. Голова отдаленно напоминала ящерицу, но палá длиннее, а из пасти торчал частокोल неровных зубов. Во лбу красовались сразу три глаза: два обычных и третий, вертикальный, расположившийся ровно посередине лба и непрерывно вращавшийся.

Все три глаза впились в него мертвой хваткой.

Рука Лу Чэня рефлексивно потянулась к каменному ножу на поясе.

Прежде ему не доводилось убивать живых существ. В шахте он давил крыс, но то было совсем другое. Эта тварь превосходила размерами, свирепостью и причудливостью любого зверя, какого он только видывал. Глаза чудища не походили на звериные — в глазах зверя плещется лишь голод и страх. В этих же глазах читалось нечто иное: оценка добычи и одновременная прикидка сил противника.

Оно обладало разумом.

Зверь атаковал первым.

Выбросившись из кустов, он рванул с такой молниеносной скоростью, что Лу Чэнь успел заметить лишь мелькнувшую фиолетовую тень. Уклониться времени не оставалось, и он на инстинктах вскинул руки, скрестив их перед грудью.

Чудовищная сила обрушилась на его руки, отбросив назад. С размаху влетев спиной в толстый ствол дерева, он содрогнулся от удара, а с ветвей градом полетела листва. Шмякнувшись на землю и приняв первый удар на левое плечо, он задохнулся от острой боли.

Не дав ему подняться, тварь бросилась снова.

На сей раз он разглядел ее как следует. На каждой из лап красовалось по пять пальцев, увенчанных загнутыми когтями с багровыми кончиками, словно те были смазаны ядом.

Перекатившись по земле, Лу Чэнь чудом избежал гибели. Когти зверя впились в дерево за его спиной, содрав огромный пласт коры и обнажив белесую древесину.

Кое-как поднявшись, он сжал в руке каменный нож.

Против этого создания нож годился разве что в зубах поковыряться, нанести ему серьезный вред было невозможно. Но другого оружия у него не имелось.

Тварь развернулась, удерживая его на прицеле всеми тремя глазами. Пасть чуть приоткрылась, обнажая двойной ряд зубов, и от нее повело тошнотворным смрадом.

Лу Чэнь уловил этот дух. То был не просто смрад — в нем сквозило нечто неопишное, словно внутри него самого вспыхнуло пламя. Сердце заколотилось с бешеной скоростью, зрачки сузились до точек, а мышцы налились чугунной тяжестью. И то был вовсе не страх — неведомое, испытанное впервые сладкое возбуждение.

Тело настойчиво шептало ему: сожри его.

Когда эта мысль зародилась на самом дне сознания, он испугался ее пуще прежнего. Но тело опередило разум: прежде чем он успел обдумать, вступать ли в схватку, ноги сами сделали шаг вперед.

Он бросился на чудовище.

Зверь ринулся навстречу. Две фигуры столкнулись у самой кромки ручья.

Лу Чэнь не стал уворачиваться. Позволив когтям зверя впиться в левое плечо, разорвать кожу и погрузиться в плоть, он захлебнулся фонтаном хлынувшей крови. Адская боль на секунду погрузила мир во тьму, но он, стиснув зубы до скрежета, не отступил и шагу назад, а правой рукой с зажатым каменным ножом со всего маху вонзил клинок твари в горло.

Каменный нож оказался слишком тупым, оставив на чешуе лишь белую царапину.

Взревев от боли, зверь мотнул головой и отбросил его в сторону.

Лу Чэнь во второй раз впечатался в ствол, услышав противный хруст собственных костей — то ли ребра, то ли лопатка. Споткнувшись о корни, он опустился на одно колено и тяжело задышал, хватая ртом воздух.

Кровь из раны на левом плече струйками побежала по руке, капая на землю и окрашивая почву в темно-алый цвет.

Чудище склонило башку набок, словно оценивая, способен ли этот двуногий подняться вновь.

Лу Чэнь буравил его взглядом. Глаза невыносимо пекло — и это была не метафора, они действительно горели. Он физически чувствовал, как меняются зрачки, как преобразаются краски окружающего мира: словно с реальности содрали фильтр, оставив лишь серые и багровые контуры.

Он снова встал.

Казалось, зверь рассвирепел окончательно. Запрокинув голову, он издал пронзительный визг — не вой, скорее скрежет терзаемого металла. После чего вновь метнулся вперед, двигаясь так быстро, что среагировать было невозможно.

В момент, когда его сбили с ног, Лу Чэнь совершил поступок, которого никак от себя не ожидал.

Он не попытался заслониться руками или увернуться. Широко разинув рот, он впился зубами прямо в горло твари.

В тот миг, когда зубы пробили жесткую чешую, в рот хлынула обжигающая жидкость.

Это не была солоноватая кровь. То была горячая, отчаянно пахнущая жженым субстанция, напоминавшая смесь древесного смолистого угля с медом. Стоило этой жиже пролиться в горло, как в его теле распахнулась каждая порция, каждая пора — ощущение превосходило по силе все, что он пробовал в своей жизни.

Монстр яростно тряхнул головой, вырывая пасть Лу Чэня из своей шеи, но тот успел урвать кусок плоти.

Зверь издал совершенно иной вопль. То был не клич ярости — крик ужаса. Отпрянув от него на пару шагов, опираясь на три лапы и поджав четвертую, тварь зажимала рваную рану на шее, откуда фонтаном хлестала фиолетовая жидкость.

Фиолетовая.

Кровь у него тоже была фиолетовой.

Валяясь на земле, Лу Чэнь выплюнул зажатый в зубах кусок мяса. Он вовсе не собирался его есть, но за него все решило собственное тело. Желудок сорвало не от отвращения, а из-за того, что бушующая внутри обжигающая жидкость взорвалась подобно очагу пламени. Он чувствовал, как эта сила несется по венам в каждый уголок плоти, заставляя мышцы биться в судорогах.

Распластавшись на траве, он дрожал крупной дрожью.

Поглазев на него пару мгновений, чудище развернулось и припустило прочь. Бежало оно уже не так резво, привлекая поврежденную лапу и спотыкаясь, пока окончательно не скрылось в гуще кустов.

Лу Чэнь лежал пластом, потеряв счет времени.

Когда он наконец приподнял голову, сгустились сумерки. Вода в ручье все так же журчала по камням, ветер гнал листву, а кроны деревьев шелестели. Рана на левом плече продолжала сочиться кровью, но боль поутихла. Во рту стоял стойкий привкус фиолетовой крови, а язык по-прежнему покалывало жаром.

Добравшись на четвереньках до ручья, он окунул лицо в холодную воду и сделал несколько жадных глотков. Свежесть воды немного приглушила противный вкус во рту.

Перевернувшись на спину и устроившись на гальке у воды, он уставился в небеса.

Ночь еще не вступила в свои права, и западный край небосвода окрашивал багрово-красный закатный след. Мимо, направляясь к югу, пронеслись несколько птиц. Он долго следил за ними глазами, пока те не превратились в крошечные точки и не растаяли в вечерней мгле.

Жив.

Он все еще жив.

Засунув руку в карман, он нащупал оберег старика Ли. Тот был на месте. Медное кольцо сохранило тепло его тела.

Закрыв глаза, он погрузился в непроглядную темноту ночи.

<http://bllate.org/book/22378/2347696>